

Жигалова Мария Петровна (M. P. Zhigalova), доктор педагогических наук, профессор кафедры лингвистических дисциплин и межкультурных коммуникаций Брестского государственного технического университета (г. Брест, Республика Беларусь) (*Brest, Republic of Belarus*); zhigalova@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-9406-8369.

ТЮТЧЕВСКОЕ ВОСПРИЯТИЕ ЖИЗНИ В СТИХОТВОРЕНИЯХ «SILENTIUM», «НАМ НЕ ДАНО ПРЕДУГАДАТЬ...», «СЛАВЯНАМ»

Аннотация. В статье предложены фрагменты анализа стихотворений Ф. И. Тютчева «Silentium», «Нам не дано предугадать...», «Славянам», раскрывающие взгляд поэта на развитие цивилизации и коммуникации, в основе которой лежат вечные человеческие ценности – глубокая вера, любовь и патриотизм. Показаны суждения поэта о попытке человека познать тайны мироздания, о формировании характеров и судеб людей, их внутреннего мира. Указывается и место человека в тютчевской современности, который может оказаться перед лицом тягчайшей катастрофы.

Ключевые слова: Ф. И. Тютчев, восприятие, анализ, творчество, человеческие ценности, современность.

TYUTCHEV'S PERCEPTION OF LIFE IN THE POEMS «SILENTIUM», «WE ARE NOT GIVEN TO PREDICT ...», «SLAVS»

Annotation. The article offers fragments of the analysis of F.I. Tyutchev's poems «Silentium», «We cannot predict ...», «Slavs», revealing the poet's view on the development of civilization and communication, which is based on eternal human values – deep faith, love and patriotism. The poet's judgments about a person's attempt to know the secrets of the universe, about the formation of the characters and destinies of people, their inner world are shown. The place of a person in Tyutchev's modernity, who may find himself in the face of the gravest catastrophe, is also indicated.

Keywords: F.I. Tyutchev, perception, analysis, creativity, human values, modernity

Известно, что талант Тютчева-поэта с особой силой проявился в философских размышлениях о человеке, который всегда внутренне связан с идеями века, его трагедиями и надеждами.

Поэт с полным правом мог сказать так и о себе (*О вещая душа моя! / О сердце, полное тревоги...*). Художника слова волнуют мысли о человеке, о судьбе человечества. Он передаёт одновременно и растерянность своего современника, не знающего, где и в чём искать опору, и его веру в возможную гармонию жизни. Может быть, поэтому философское восприятие современности в лирике Ф. И. Тютчева так многогранно.

В своем творчестве автор утверждает и величие мироздания, и единство природы и внутреннего мира человека («мировой души»), рассуждает над вечными вопросами бытия: о смысле жизни, о жизни и смерти, о взаимоотношении природы и человека, о внутренних противоречиях человеческой души и его связи с современностью. Далеко не всегда эти вопросы находят разрешение, но они волнуют не только поэта, но и читателя, заставляют его думать и переживать.

Ф. И. Тютчев (1803–1873) – открыватель новых образных миров в поэзии, которая у него не безмятежно-спокойная, не умиротворённая, а внутренне тревожная и глубоко драматичная. Неудивительно, что человеческая жизнь и природа как бы срослись в сознании поэта, потому что и тут, и там он улавливает вечное смятение, вечную тревогу.

*Дума за думой, волна за волной –
Два проявленья стихии одной:
В сердце ли тесном, в безбрежном ли море,
Здесь – в заключении, там – на просторе,
Тот же всё вечный прибой и отбой,
Тот же всё призрак тревожно-пустой.*

Мир представляется поэту дисгармоничным, погружённым в хаос:

*О чём ты воешь, ветер ночной?
О чём ты сетуешь безумно?
.....
О, бурь заснувших не буди –
Под ними хаос шевелится!...*

Масштаб его поэтических ассоциаций (представлений) поразителен:

*Небесный свод, горящий славой звёздной,
Таинственно глядит из глубины, –
И мы плывём, пылающею бездной
Со всех сторон окружены.*

«Так мог сказать человек, взглянувший на нашу планету из космоса» [1]. Поэт в отличие от большинства людей не воспринимал Пространство и Время как нечто естественное, то есть, попросту незамечаемое. Ему было присуще живое ощущение Бесконечности и Вечности как реальности, а не каких-то отвлечённых, абстрактных категорий. Может быть, поэтому поэтическая модель Ф. И. Тютчева – это двойственный взгляд на мир.

Человек, по мнению поэта, его душа всегда находится между небом и землёй, «на пороге двойного бытия». Отсюда – прямо противоположное решение одних и тех же вопросов. Может быть, поэтому поэтический мир художника слова построен на антитезе: гармония – хаос, вера – безверие, небесное – земное, человек – природа, любовь – смерть, бытие – небытие. Нередко они совмещаются в одном стихотворении («Как ни гнетёт рука судьбины...», «Природа –

сфинкс...»), «День и ночь», «О, как убийственно мы любим»!...), а иногда даже в образе: «и роцет мыслящий тростник».

Человек в лирике поэта хрупкий, как тростник, обречённый на смерть, немощный перед лицом судьбы, но велик своей тягой к беспредельному. Поэтому жизнь для героев Ф. И. Тютчева – это трагедия, трагедия в том высоком смысле слова, как её понимали древние: поражение проистекает не от слабости, а от величия поставленной задачи каждым человеком и человечеством.

В стихотворении *«Последний катаклизм»* поэт говорит о судьбах человечества, которое может, как и природа, оказаться перед лицом тяжчайшей катастрофы. В стихотворении *«Наш век»* Тютчев напряжённо размышляет о своём времени, о потере человеком духовного:

*Не плоть, а дух растлился в наши дни,
И человек отчаянно тоскует...
Он к свету рвётся из ночной тени
И, свет обретши, роцет и бунтует. [2]*

Таким представляется Ф. И. Тютчеву и его современник. В стихотворении *«Бессонница»* поэт создаёт трагический образ человека своей эпохи: он одинок, стоит «на краю земли», покинутый «на самого себя», окружённый «всемирным молчанием». А значит, Человек участвует во всемирной драме, и жанр её – не комедия и не мелодрама, а трагедия. Трагедия – это не грустная, а величественная пьеса, пьеса о великих событиях и великой борьбе. В такой величественной пьесе участвуют и люди.

Остро ощущая трагический характер своей эпохи, поэт не прячется от жизненных бурь, не ищет укромных пристанищ. Покой не его стихия. Поэт как будто идёт навстречу всем жизненным бурям и катаклизмам, он живёт ими. В одном из самых проникновенных своих стихотворений *«Цицерон»* он писал:

*Счастлив, кто посетил сей мир
В его минуты роковые...*

Тютчевское восприятие современности не обмануло его. Свидетелем каких только событий он не был, сколько «роковых

минут» ему пришлось пережить! Он – современник восстания декабристов, революций 1830 и 1848 годов на Западе, «мрачного семилетия» в России и многого другого. Потому и жизнь предстаёт в его поэтическом сознании как нечто неустойчивое, постоянно клокочущее. А покой, «недвижный» мир возможен только во сне, но – */И в тихую область видений и снов/Врывалась пена ревущих валов.*

Тяжело переживая неустойчивость современного ему мира, поэт одновременно упоен неугомонным, безостановочным движением жизни. Отсюда – торжествующе-победное звучание, которое слышится в его стихах:

*Вкруг меня, как кимвалы¹, звучали скалы,
Окликалися ветры и пели валы...*

Как видим, каждая строка стихотворений Ф. И. Тютчева овеяна мыслью о вечном, настояна на пережитом. Философия не материал для его стихов, а сама атмосфера, присущая им, потому что движения человеческой души, глубинные переживания всегда интересовали поэта. Жажда человеческой близости, отзывчивости слышится в известном тютчевском стихотворении «*SILENTIUM*» («*Молчание*»). Стремлением проникнуть внутрь человеческого «я», понять причины его трагического одиночества, пронизано всё стихотворение, написанное в 1833 году:

*Молчи, скрывайся и таи
И чувства, и мечты свои –
Пушкай в душевной глубине
Встают и заходят они,
Безмолвно, как звёзды в
ночи –
Любуйся ими – и молчи!
Как сердцу высказать себя?
Другому как понять тебя?*

¹Кимвалы – древний ударный музыкальный инструмент в виде двух металлических тарелок.

*Поймёт ли он, чем ты
живёшь?
Мысль изречённая есть ложь.
Взрывая, возмутишь
ключи –
Питайся ими – и молчи.
Лишь жить в самом себе
умей –
Есть целый мир в душе
твоей.
Таинственно-волшебных дум –
Их оглушит наружный шум.
Внимай их пенью – и молчи!... (1830)*

Уже само название «SILENTIUM» (в переводе с латинского – «молчание») относит читателя к мыслителям и поэтам античности, которыми неизменно восхищался Ф. И. Тютчев [4, с. 20–25]. Любовь к языку Горация и Цицерона была привита поэту с детства его наставником Семёном Егоровичем Раичем, знатоком поэзии и философии античности. Мысль философов древности о том, что слово эфемерно, а молчание содержательно, подхватывает и развивает Тютчев в своём стихотворении.

«SILENTIUM!» – раздумье поэта над природой слова, высказывания. Поэт с сожалением говорит о роковом бессилии слова, неспособного точно выразить живую мысль и чувство. «Приблизительность», грубость слов по сравнению с бездонной глубиной душевного мира обрекают человека на вечное одиночество.

Художник слова считает, что в слове невозможно воплотить полноту духовного выражения. И более того, слово не просто неточно, недостаточно и частично отображает внутренний мир личности, оно по отношению к нему лживо. «Мысль, изречённая есть ложь», – утверждает автор. Неудивительно, что эта строка обрела собственную жизнь вне произведения, стала для последующих читателей афоризмом.

В трёх строфах стихотворения создаётся *образ души*, обречённой на одиночество и непонимание. Человеческая жизнь так хрупка, что к ней нельзя допускать «другого». Даже лучи солнца могут разогнать её очарование. Лирический герой готов принять

абсолютное одиночество, «жить в самом себе», чтобы сохранить это чудо.

Стихотворение написано четырёхстопным ямбом, однако автор использует полиметрию (соединение различных размеров внутри одного произведения), и четвёртая и пятая строчки первой строфы, а также предпоследняя строчка стихотворения написаны трёхстопным амфибрахийем. Такой приём поэт использует для того, чтобы подчеркнуть крайнюю уязвимость внутреннего мира человека.

В стихотворении много метафор: душа – «*звезда, бездна, ночной таинственный*» мир. Автор как бы нанизывает признаки, представляя духовную жизнь личности как таинственный, величественный гармоничный мир. Если же понимать лишь буквально идею стихотворения, то получается, что слово – только отзвук тех чувств, кипения страстей в душе человека, который не может воплотить в себе бездну личных переживаний, и по отношению к ним является отголоском, серой тенью, поэтому и кажется чуждым, лживым.

Однако это лишь одна сторона суждений поэта. Автор произведения не просто философствует, раздумывая над природой слова и ведя диалог с собственной душой. Он пытается донести до читателя всю ответственность человека за сказанное слово. У поэта есть собеседник, слушатель, и это читатель, к которому поэт не просто обращается, но требует скрывать самое сокровенное от толпы, которой он не доверяет: *Молчи, скрывайся и таи/ И чувства, и мечты свои*. Неслучайно в стихотворении преобладают глаголы над другими частями речи, и большинство из них стоит в повелительном наклонении: «*молчи*», «*скрывайся*», «*таи*», «*пускай встают*», «*любуйся*», «*внимай*» и т.д., что указывает на усиленно императивную интонацию самого произведения. Этому свидетельствует и название стихотворения, которое указывает не просто на «Молчание», но «Молчание!» с восклицательным знаком в конце. Автор задаёт и ряд риторических вопросов, обращаясь к читателю, словно заставляя его согласиться со своими суждениями:

*Как сердцу высказать себя?
Другому, как понять тебя?
Поймёт ли он, чем ты живёшь?*

Таким образом, Тютчев пытается дать своему адресату некие моральные установки, говоря о том, что не стоит каждому открывать свою душу, свои мысли и чувства, поскольку они не будут оценены и поняты в полной мере. А значит, раскрывая себя другому человеку, можно только увеличить внутреннюю разъединённость с ним. И, напротив, с близкой по мировоззрению, родственной духовно личностью даже молчание будет следствием душевного понимания. Обращает на себя внимание в стихотворении и композиционное кольцо, своеобразный рефрен – каждая строфа заканчивается призывом «...и молчи!»:

*...Питайся ими – и молчи!
...Внимай их пенью – и молчи!
...Любуйся ими – и молчи!*

Тютчев усиливает тем самым свой призыв не просто к молчанию, но к самоуглублению, самопознанию. Он уверен, что гораздо проще понять другого, чем себя. Поэтому и призывает читателя вести с собой постоянно внутренний психологически насыщенный монолог: */Лишь жить в самом себе умей – /Есть целый мир в душе твоей/Таинственно волшебных дум.*

Таким образом, обучаясь молчанию, человек учится постижению глубокой жизненной мудрости, учится рассуждать, жить в гармонии не только с природой, но и со своей собственной душой. Ведь кто не умеет молчать, тот редко говорит искренне. Молчание позволяет не только скрыть сомнения и желания, но и зазвучать по-новому тонкие струны человеческой души.

Да, каждый человек пытается познать тайны мироздания, но он часто обречён на поражение понять то, что ему не дано. Однако он велик уже тем, что поставил перед собой задачу не успокаиваться, пока не постигнет всё до конца, не ответит на последние вопросы бытия хотя бы самому себе. Об этом стихотворение «*Нам не дано предугадать...*» [5, с. 77–80]:

*Нам не дано предугадать,
Как слово наше отзовется, –
И нам сочувствие дается,
Как нам дается благодать...*

Это стихотворение – не столько иллюстрация философских позиций Тютчева, сколько стремление показать, что непосредственность эмоционального переживания у поэта всегда находится в глубоком единстве с поэтической мыслью. Стихотворение написано в 1869 году, в то время, когда поэту было уже 66 лет. Это свидетельствует о том, что в конце жизненного пути Тютчев поднялся на вершину философского осмысления человеческих отношений, сущности и смысла бытия. В стихотворении есть и «ум», и «сердце», горькая рассудочность и затаённая сердечная боль.

Тема стихотворения – философские размышления о жизни во Вселенной, о смысле человеческого существования, об отношениях людей друг к другу, о том, что остаётся потомкам после нашей смерти, наконец, о предназначении поэта. Автор поднимает проблему и культуры человеческих отношений, и бережного, душевного отношения к внутреннему миру человека, который является частью Вселенского разума [6, с. 278–284].

Первая строка предостерегает человечество: «Нам не дано предугадать...» Тютчев уверен, что человек не знает, что ему уготовила Судьба, и каковы последствия наших слов и поступков, как они отражаются на судьбах других людей. Поэт указывает на возможность исправления своих ошибок, а значит, и на возможность прощения, на благодарность за всякое, как он выражался, проявление «умственной симпатии», за всякое доброе, умное слово, сказанное о его поэзии.

Понятие Благодати – Благого дара Бога – является читателю и как любовь, и как красота природы, и как человеческие взаимоотношения, и как понимание и сочувствие. Поэтому смыслообразующими понятиями, своеобразными *ключевыми словами* в стихотворении являются: «слово», «сочувствие», «Благодать». Не удивительно, что поэт ставит их в один ряд. Он уверен, что его «слово», творчество найдёт отклик в сердцах потомков, посеяв благодать в их душах.

Сильная позиция – это название стихотворения «Нам не дано предугадать...». Она проходит через всё произведение. Личное местоимение «нам» указывает на причастность поэта к вопросам этики человеческих взаимоотношений и на ответственность поэта за каждое сказанное слово. Употреблённое во множественном числе, оно несёт в себе огромную смысловую нагрузку, так как объединяет

автора и человечество в одно целое. И эта взаимосвязь представляет собой не мозаику, легко рассыпающуюся на первоэлементы, а составляет единое неделимое, в основе которого – ответственность человека за каждое сказанное слово и сделанное дело.

Ф. И. Тютчев, как поэт, тоже берёт на себя ответственность за это, понимая, что сказанным словом можно и ранить, и вылечить, и дать стимул к жизни, и лишить человека последней надежды... Для себя, для человечества поэт ничего не требует, потому что «благодать» (дар, благо, исходящее от Бога) в душе человека – это уже есть награда за щедрость человеческой души, это – умиротворение и душевное спокойствие.

Язык и лексика стихотворения философско-созерцательны: «не дано», «благодать», «предугадать». Эта таинственность и загадочность – лишь свидетельство нашей зависимости от Всевышнего и от его дара.

Стихотворение написано четырёхстопным ямбом, как большинство стихотворений Тютчева. Рифма кольцевая, точная, рифмовка 1, 4 – мужская, 2, 4 – женская. Интонация – рассудительная, плавная, спокойно льющаяся из глубины души. Это своеобразные мысли поэта вслух. Тютчев использует и возвратные глаголы, то есть действие обращает на самого себя. Но кем даётся сочувствие и благодать, об этом читаем в подтексте: оно даётся человеку свыше, Высшим разумом, Богом.

Дважды употребляется глагол «даётся», что ещё раз указывает на то, что каждый человек имеет право и шанс получить от другого человека и Всевышнего прощение и сочувствие, поддержку.

Стихотворение написано в чёткой, афористичной форме. Отсутствие поэтических «украшений» не обедняет стихотворение, а, наоборот, придаёт ему внутреннюю энергию.

С точки зрения синтаксиса стихотворение представляет собой сложную синтаксическую конструкцию (сложное предложение с разными видами связи) состоящую из 2-х блоков, доминирующая связь – сочинение (союз И), что свидетельствует о единстве и гармонии Мира и Человека в нём.

Главная связь между словосочетаниями в предложении – управление. Главное слово в словосочетании – глагол: «отзовётся», «даётся», а существительные – зависимые: «сочувствие», «слово»,

«благодать». Слово «сочувствие» в русском языке имеет несколько смысловых значений: «участливое отношение», «сопереживание», «сострадание», «поддержка», «одобрение». Каждое из этих значений дополняет предыдущее, что особенно важно для понимания стихотворения. Этим выбором автор как бы подчёркивает вечную истину жизни: «Относись к другим так, как ты хотел бы, чтобы относились к тебе». Тире делит стихотворение на две самостоятельные части: первая – посыл, вторая – итог, следствие воздействия. В конце стихотворения стоит многоточие, указывающее на то, что жизнь и Вселенная бесконечны и вечны, а мы в них, как и наши возможности, дела – временные.

Автор использует и повторы, инверсию («сочувствие даётся», «даётся благодать»), полисиндетон (многосоюбие): союз «как».

Глубина авторских чувств наталкивает читателя на мысль о художественной интерпретации Ф. И. Тютчевым библейских вечных истин и божьих заповедей: «возлюби ближнего своего, как самого себя», «не судите, да не судимы будете, «не осуждайте и не будете осуждены», «прощайте и прощены будете».

Особенно значимы для поэта характеры и судьбы славянского мира. О силе духа славян, выдержке, воле говорит Ф. Тютчев в стихотворении «Славянам» [3, с. 133]:

*Man muss die Slaven an
Die Mauer drücken
(Славян нужно прижать к стене (немецк.)*

*Они кричат, они грозятся:
«Вот к стенке мы славян
прижмём!»*

*Ну, как бы им не оборваться
В задорном натиске своём!..*

*Да, стенки есть – стена
большая,
И вас не трудно к ней
прижать,
Да польза-то для них какая?
Вот, вот что трудно угадать.*

*Ужасно та стена упруга,
Хоть и гранитная скала, –
Шестую часть земного круга
Она давно уж обошла...*

*Её не раз и штурмовали,
Кой-где сорвали камня три,
Но напоследок отступали
С разбитым лбом богатыри...*

*Стоит она, как и стояла,
Твердыней смотрит боевой;
Она не то, чтоб угрожала,
Но...каждый камень в ней
живой...*

*Так пусть же бешеным
напором
Теснят вас немцы и прижмут
К её бойницам и затворам, –
Посмотрим, что они возьмут!*

*Как ни бесись вражда слепая,
Как ни грози вам буйство
их, –
Не выдаст вас стена родная,
Не оттолкнёт она своих.*

*Она расступиться пред вами
И, как живой для вас оплот,
Меж вами станет и врагами
И к ним поближе подойдёт.*

(11–16 мая 1867 г.)

Несмотря на то, что стихотворение написано поэтом-провидцем более 150 лет назад, звучит и сегодня особенно актуально. Читатель понимает основной мотив стихотворения и авторский посыл своему

современнику – никогда и никому не удастся разрушить центр славянского народа – Россию, хотя желающих это сделать всегда хватало, как, впрочем, хватает и сегодня.

Уже самое название стихотворения «Славянам» свидетельствует о том, что художник слова адресует славянам слова гордости за свой народ и землю, за тот славянский русский дух, который никто не поймёт и не победит. В первой строфе стихотворения автор предостерегает славян от постоянных крика и угроз извне раздавить и уничтожить славян (*Они кричат, они грозятся:/ «Вот к стенке мы славян/ прижмём!»*). И вместе с тем автор уверен, что вечная угроза со стороны противников, завистников и жаждущих завоевать славянскую, российскую, землю, обречена на провал (*Ну, как бы им не оборваться/ В задорном натиске своём!..*), потому что славянская земля крепка и мощна (*«Шестую часть земного круга/ Она давно уж обошла...»*) и вместе с тем, как благородна славянская душа: *«вас не трудно прижать к стенке...»*, но *«польза-то для них какая?...»*. Может быть, поэтому несмотря на свою силу (*«Стоит она, как и стояла, / Твердыней смотрит боевой*), она никому не угрожает, но, если потребуется, то даст непременно достойный ответ, потому что *«...каждый камень в ней / живой...»*.

Автор уверен, что даже если и захочет враг победить славян, то это всё равно ему не удастся (*«...бешеным / напором / Теснят вас немцы и прижмут / К её бойницам и затворам, – / Посмотрим, что они возьмут!»*). Поэтому бесовская слепая вражда (*Как ни бесись вражда слепая, / Как ни грози вам буйство/ их*), никогда не достигнет своей победы, потому что дома и стены помогают (*Не выдаст вас стена родная, / Не оттолкнёт она своих./*). Последнее четверостишие окончательно определяет позицию автора: его уверенность в победе (*Она расступится пред вами / И, как живой для вас оплот, / Меж вами станет и врагами / И к ним поближе подойдёт*), незыблемости её необъятных просторов, в многократности бесполезных попыток врагов завоевать Россию, и наконец, в вечной божественной поддержке её в сложных ситуациях.

Так Ф. И. Тютчев доносит своему читателю мысль о том, что защита наших истоков, корней бытия, кроется в глубокой вере, любви и патриотизме – вечных человеческих ценностях. А природа поэтического слова и тайный смысл бытия помогали читателю во все времена ответить на главные и вечные вопросы жизни, что такое

Вселенная, Мироздание, какое место Человек занимает в мире и в чём его роль на Земле, Земле вечной и бесконечной, так до конца никем и не познанной.

Список использованной литературы:

1. Осповат, А. Л. «Как слово наше отзовется...»: О первом сборнике Ф. И. Тютчева / А. Л. Осповат. – М., 1980.
2. Тютчев, Ф. И. Лирика / Ф. И. Тютчев. – Мн., 1977.
3. Русская литература. Хрестоматия для 9 кл. средней школы / составители Н. Л. Бродский и И. Н. Кубиков. Ч. 2. Изд. 12-ое переработанное. – Москва, 1948. – 407 с.
4. Жигалова, М. П. Интертекстуальный анализ стихотворения Ф. И. Тютчева «Silentium» / М. П. Жигалова // Материалы Международной научной конференции. X Виноградовские чтения. Текст и контекст: лингвистический, литературоведческий и методический аспекты. В IVт. – Москва, 2007. – Т. IV. – С. 20–25.
5. Жигалова, М. П. Культурный контекст античности как прогноз, образец и материал онтологического мира русских и белорусских художников слова (на примере творчества Ф. Тютчева, М. Цветаевой, Н. Матяш) / М. П. Жигалова // Взаимодействие и взаимопроникновение языков и культур: состояние и перспективы. Материалы Международной научной конференции. В 2 ч. Ч. 2. – Мн., 2008. – С. 77–80.
6. Жигалова, М. П. Философские размышления от вечном в лирике Ф. Тютчева (на примере стихотворения «Silentium», «Нам не дано предугадать...») / М. П. Жигалова // *Cyryl i Metody w duchownym dziedzictwie Slowian*. – Wydawnictwo Podlaskiej Fundac Wspierania Talentow, 2009. – 307s. – S. 278–284.